

МЫСЛИ О РУСЛАНЕ

Опера «Руслан и Людмила» — великое творение М. Глинки, навеянное бессмертной поэмой А. Пушкина, — тревожит пытливого ум многих поколений музыкантов и певцов. Это произведение, испытавшее на своем историческом пути самое противоположное отношение, достигло полной славы в наши дни.

В чем «секрет» бессмертия этого прекрасного сочинения? Как бессмертна народная песня, передаваемая из поколения в поколение, так вечна и судьба художественного творения, облеченного в подлинно народную музыкальную форму.

Творение М. Глинки — А. Пушкина еще сильно и потому, что оно едино по стилю изложения. Иногда встречаются такие произведения, в которых музыка находится в противоречии с существом драматургии (что неоднократно отмечалось и в творчестве современных авторов). В опере «Руслан и Людмила» мы ощущаем единое дыхание великих ее создателей — А. Пушкина и М. Глинки, высочайшее мастерство отображения самых разнохарактерных ситуаций и настроений.

В опере «Руслан и Людмила» авторы утверждают идеалы высокой душевной красоты, верности долгу и преданности Родине — качества, свойственные лучшим представителям русского народа. Они ощутимо переданы в контрастах: то разнеженного сладострастия Ратмира, то трусливой зависти Фарлафа, то холодной

рассудочности Финна, то коварного злорадства Наны. Контрасты взаимно усиливают друг друга. Благодаря этому сопоставлению противоположностей и создается яркое, незабываемое впечатление. Дело исполнителей — правильно прочесть произведение и подчеркнуть контрасты.

Опера «Руслан и Людмила» рождала во мне беспокойство, пожалуй, с первых дней моего приобщения к искусству. Никогда не забуду своих ощущений, когда я впервые услышал в Ленинграде партию Руслана в исполнении одного из корифеев русской оперной сцены — народного артиста СССР Павла Захаровича Андреева. Пожалуй, как я убедился в дальнейшем, партия Руслана была лучшей в его репертуаре.

Как мне ни хотелось попробовать спеть эту партию, я долго не решался на это — удерживало много различных «но». Прежде всего пугала установившаяся традиция — эту партию исполняли басы (хотя П. Андреев был баритоном, он пел даже партию Евгения Онегина). В Москве были такие яркие исполнители роли Руслана, как басы — братья Г. и А. Пироговы, В. Петров, М. Рейзен; в Ленинграде — бас В. Касторский.

Прежде чем взяться за исполнение роли Руслана, я очень долго боролся с собой и все-таки «рискнул» дерзнуть. А ведь мой учитель И. Ершов завещал всегда дерзать. Конечно, дерзать надо с умом, и об этом нужно твердо помнить. Я знал и то, что М. Глинка определил в партитуре партию Руслана для баритона. И сделано это не случайно. Смысл его указания кроется в том, что всякий музыкальный образ рисуется не только «нотами», диапазоном голоса, но главным образом тембровой окраской звучания. Когда талантливый композитор оркеструет свое произведение, он дает определенные краски соответствующим музыкальным инструментам и делает это не механически, не формально, а в соответствии с намечаемым характером данного музыкального образа. Скажем, какую-то тему могли бы исполнять смычковые инструменты, но композитор возлагает ее на деревянные духовые. Тембр заключает в себе образ.

Нам трудно представить Сусанина тенором, а Собинина басом. Правда, разница между баритоном и высоким басом, менее значительна, но все-таки, я бы сказал, между ними есть какая-то «возрастная» разница. Если мы возьмем классический оперный репертуар, как русский, так и западноевропейский, то увидим определенную закономерность в распределении ролей по голосам. И это не просто установившаяся «традиция», а художественная необходимость. Вот почему и М. Глинка ви-

дел, например, Светозара — басом, а молодого витязя — жениха Людмилы — баритоном. Если бы на месте Руслана был бас профундо или характерный бас, трудно было бы поверить, что Людмила — молодая девушка с полудетским голосом — его невеста. Она скорее годилась бы в этом случае в дочери Руслану.

М. Глинка-драматург отлично понимал смысл тембровой окраски голоса и придавал ему большое значение в характеристике образов оперы. Многие баритоны из числа наших предшественников, успешно исполнявшие партию Руслана, творчески убедительно доказали, что таков художественный замысел М. Глинки.

Петь партию Руслана я окончательно решился после того, как приобрел многолетний опыт. В этом образе мне хотелось отразить черты, продиктованные создателями бессмертного творения — М. Глинкой и А. Пушкиным. Одухотворенность отважного героя, олицетворяющего мужество, верность долгу, силу и величие родной земли, сочетаются в Руслане с задушевностью, искренностью и доверчивой простотой. Эти основные качества образа выражены со всей ясностью и четкостью, присущими гениальному автору оперы «Руслан и Людмила».

Наиболее излюбленными эпизодами в партии Руслана являются центральная ария «О поле, поле» и сцена возвращения героя после победы над Черномором. В них мы находим самые разносторонние черты этого образа. Здесь и глубокое раздумье героя на поле брани, сменяющееся уверенным мажорным финалом, определяющим непреборимую веру в победу справедливости; здесь и радость самой победы над ненавистным врагом Черномором, и трогательно-нежное чувство к усыпленной «младой супруге», и плавное возмущение коварством Наны. Все эти глубоко человеческие чувства пронизаны непоколебимым духом оптимизма, который толкает героя на новые подвиги во имя торжества справедливости.

Участие в спектакле «Руслан и Людмила» каждый раз доставляет мне поистине творческое наслаждение. К сожалению, нынешняя постановка утратила свою свежесть; ведь она уже идет двадцать лет. И если принять во внимание, что обстоятельства вынуждали театр показывать оперу с большими перерывами, дезорганизовавшими в известной мере ее постановку, то в настоящее время необходимо очень серьезно обновить спектакль.

Новая постановка «Руслана и Людмилы» была бы лучшим памятником М. Глинке, какой может создать Большой театр.

Алексей ИВАНОВ,
народный артист СССР.

ОПЕРА «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА». Сцена из первого акта. На снимке (в центре): И. Петров — Руслан, Н. Гусельникова — Людмила.

Фото Б. Борисова.

Советской артист 13.11.57